

С К А З А Н І Е
Г А Л Л И П О Л І Й С К О М Ъ
С М Д Г Ы М І М

— —
М. К Р И Т С К І Й

102 111111

И о о в л щ о н о
д а с к е я н ц ю

И у т е ф о в у

о о

1922

Типогр. газ. „Русское Дѣло“, Бѣлградъ.

ругъ на друга возстали народы, и хлынула кровь. Просочила всю землю, насытила хляби морскія, а съ кровью живою проникло повсюду и то, что было чудеснаго въ ней — Божье Дыханье и Сила Земная.

Забродила по бѣлому свѣту багряная кроеть и вызвала голосомъ вѣщимъ изъ бездны и съ неба всѣ грозныя силы. Переплелось на землѣ все обычное съ тайнымъ, свѣтлое съ темнымъ, и только слѣпые не видятъ чудесъ и не вѣрятъ сказаньямъ текущихъ временъ.

аклубились туманы отъ моря до моря, окутали мглой необъятную Русь, отравлял и неистовствомъ кровь и дыханіе. Къ тучамъ взметнулся огненный вихрь, закрутился по селамъ, станицамъ, по всѣмъ городамъ и деревнямъ.

Полыхало свинцовое небо отъ зарева, люди метались въ безуміи...

И стало средь смраднago поля дѣлаться страшное дѣло: клятву и вѣрность смѣнила измена; праведный судъ обратился въ застѣнокъ; вѣра отцовъ была попорана, — разбойничій посвистъ пронизывалъ мракъ.

А началъ въ себя приходиться отъ угара народъ, — было ужъ поздно. Изъ бездны тлетворной Красный невиданный Змій охватилъ обгащенную Русскую Землю, сжалъ ее за мертво въ кольцахъ кровавыхъ, себѣ же свилъ логово въ царскихъ палатахъ, среди древнихъ Святынь, въ святой колыбели Руси.

Славное Царство погибло...

И замерла въ смертной тоскѣ подь неслыханымъ игомъ вся Русь. Веселье и радость угасли въ народѣ, соки живые изсякли въ спаленной землѣ, и на бранныхъ поляхъ, опустѣвшихъ, не двигались твердою поступью ратныя силы, и не колыхались парчою побѣдные стяги, гдѣ плещется золотомъ вытканый Воинъ на бѣломъ вздыбленномъ конѣ надъ пронзеннымъ Дракономъ...

Лежало поверженнымъ Русское Войско...

Немного въ немъ воиновъ славныхъ осталось. Но свѣтлые духомъ — они, прикоснувшись

земли, какъ витязи встарь, набирался силой земной. Вожди, подымаясь, скликали всѣхъ вѣрныхъ сыновъ становиться подъ Бѣлое Знамя за отчую честь и спасенье Отчизны.

Дважды вставала Дружина всѣхъ вѣрныхъ сыновъ, дважды вступала въ боренье со Зміемъ.

И потому-ль, что она не нашла Меча — кладенца, иль потому, что въ Книгѣ Судебъ Божій Перстъ еще не коснулся до свѣтлаго свитка страдальца народа, но не хватило у воиновъ силы въ неравномъ бою. Не развернулись псбѣдные стяги Вождей у сѣдого Кремля, не омылись священныя стѣны горячею кровью Дружины.

Повержена снова Дружина ..

Очнулась уже на чужой сторонѣ у Заклятаго Моря въ Диковиномъ Царствѣ, въ невѣдомомъ всѣмъ государствѣ. То море враждебною силою было заклято давно — его воды, какъ кладъ заколдованный, въ руки Руси никогда не давались. Земля же была подъ Турецкимъ Султаномъ, по грамотамъ новымъ въ даръ отдана Грекамъ, но страннѣе дѣло: на башняхъ султанскихъ не Синее Знамя съ Крестомъ замѣнило Звѣзду съ Полумѣсяцемъ, а Гальскій Пѣтухъ на знаменномъ древкѣ распѣвалъ во всю мочь. Всѣ входы и выходы въ этой

странѣ сторожили арапы Царей
Эфіопскихъ.

Рядомъ съ Дружиною въ стра-
хѣ стояли и горькими слезами
плакали вѣрныя жены съ дѣть-
ми, раздѣлившія жуткую участь
мужей...

Недавно совсѣмъ короли и на-
роды гнали въ далекую Русь гон-
ца за гонцомъ съ мольбою по-
мочь имъ отбиться отъ грозныхъ
враговъ, и русскіе воины бились
въ сѣчахъ жестокихъ. А въ бит-
вахъ со Зміемъ, что смраднымъ
дыханьемъ уже обдавалъ всѣ со-
сѣднія царства, Дружина сама
добровольно спасала народы отъ
ярости Чудища. Нынѣ же къ
русскимъ бойцамъ, изнемогшимъ,
на помощь никто не спѣшилъ.
Истекавшая кровью и въ ранахъ
Дружина Храбрѣйшихъ была ни-
кому не нужна. Всѣ повѣрили
въ крѣпкую силу захватчика
славнаго Царства, старались те-
перь съ побѣдителемъ въ дружбу
войти.

Полумертвой лежала Дружина
въ пустынной долинѣ подъ не-
бемъ нависшимъ. Долиною Смер-
ти прозвали то мѣсто. Здѣсь въ
битвѣ народовъ и царствъ гор-
дые Бритты погибли, и нынѣ
изъ трещинъ земли выползали
на солнце всѣ гады земные. А
ночью вокругъ собирались ша-
калы. Въ тиши напряженной на-
дрывчато выли и ждали, чтобъ

броситься рвать бездыханное тѣло Дружины. Вой разносился въ окрестныхъ горахъ, катился за море по странамъ, и многіе слушали жадно тотъ вой, ждали то-же послѣднихъ минутъ умирающей Русской Дружины.

Пока же, какъ узнику въ тяжкихъ оковахъ, ей скудную пищу кидали.

Только къ измученнымъ женамъ и дѣтямъ, одна во всемъ мірѣ любовно, рука протянулась — ихъ грѣла, кормила. Матери дѣтямъ своимъ говорили: къ намъ помощь пришла изъ далекой, далекой страны, куда солнышко прячется на ночь. Живетъ тамъ великій свободный народъ. Онъ выстроилъ бѣлый хрустальный дворець, въ немъ яркія звѣзды, что съ неба скатились, хранятся... И дѣти подолгу смотрѣли на звѣзды.

реходили холодные дни, приближалась весна, вой голодныхъ шакаловъ сталъ тише и смолкъ.

Нѣтъ Русской Дружины, она умерла — воскресли въ радости бывшіе други и

недруги — нечего больше считаться съ погибшей — и стали дѣлить всѣ ея корабли съ послѣдней казною на нихъ.

А тутъ и случилось — чудное чудо. Въ Долинѣ, пропитанной ядомъ, Дружина съ земли поднялась невредимой — коса Смерти разбилась о русскій гранитный осколокъ.

Была отъ Дружины далеко родная земля, зато близко родная знамена — въ нихъ трепетала вся благодатная, сила извѣтная, Матери Родины. И русскіе воины, что бились по зову народовъ, что смѣло боролись со Зміемъ, тѣ воины снова поднялись, сплотились въ родные полки. Глухо звучала въ Долинѣ заржавлена сталь боевая, но смертоноснѣй огней истребительныхъ было оружіе это — осталось послѣдней защитой достоинства храбрыхъ.

Въ рукахъ у Давида страшна и праща.

Умирать не хотѣла Дружина... Литыми рядами, подъ звуки сверкающихъ трубъ, шагомъ размѣрнымъ и твердымъ шелъ полкъ за полкомъ по Долинѣ, что Смертью дышала. Передъ Вождемъ склонились бѣлые стяги, и стала Дружина, на мечъ опершись.

Молчаливымъ укоромъ стояла предъ міромъ. Будила въ немъ то, что ни смѣрять, ни взвѣсить

нельзя. Воскреснувъ сама — Дружина ждала Воскресенья Руси.

И кому стало жутко, кто утрашился грядущей расплаты, тотъ скинулъ личину участя и началъ бросать камень за камень въ Предтечу.

Такъ было всегда и во всѣ времена. Только потомки — изъ брошенныхъ камней въ Пророковъ — алтари Небесамъ воздвигаютъ...

Комья грязи сначала летѣли. Какъ змѣи изъ темныхъ расщелинъ ползли клеветы. На доспѣхахъ Вождей — лицомѣры — лишь пятна считали; забыли ту руку съ подъятымъ мечемъ, за которымъ недавно спокойно, какъ трутни, сидѣли, а то разлетались по странамъ заморскимъ.

Воины видѣли это, и не тускнѣли отъ брошенной грязи доспѣхи суровыхъ Вождей.

Въ полки тогда бросили щедрой рукой ядовитое сѣмя раздора. Смутой пытались разстроить ряды. — Дружина со Знаменемъ Бѣлымъ съ Отчизны оковъ не собьеть, то говорятъ и кудесники ваши. Отнынѣ, не воины вы. Не слушать велѣній Вождя, мой только окрикъ законъ непреложный для васъ. — Такъ Гальскій Пѣтухъ надрывался на башняхъ султанскихъ.

Какъ громъ въ облакахъ покатилися клики — Дружина на

щить подняла своего Полководца.

Видно хлопаньемъ крыльевъ и крикомъ безсилень и Гальскій Гѣтухъ заглушить клекоть орлиный.

Взять порѣшили Дружину изморозь и лсжью. Уменьшили скудную пищу, грсзились совѣмъ заморить. Голодную стали прельщать изобильной и сытнсей страной. Тамъ будто молочныя рѣки текутъ, кисельные тамъ берега, а жители ждуть не дождутся гостей дорогихъ.

Немнго нашлось маловѣрныхъ, поплывшихъ отъ русскихъ знаменъ въ тридешатое царство. Они не доплыли до мѣста желаннаго, ихъ по дорогѣ ссадили среди моря на островъ и отдали всѣхъ въ кабалу. Медовыя страны свой медъ берегли для себя, никто и не думалъ къ себѣ зазывать.

А вѣрные воины только смѣялись на зовъ — ѣхать куда-то хлебать киселя — да затянули потуже ремни поясные.

Не удалось отдать въ рабство Дружину, манить тогда стали родною землею, зовущей къ себѣ.

Зазвенѣли на зовъ струны сердца Дружины, но поняли воины быстро, что звалъ ихъ не голосъ родной. Только тѣ, что натянуты были чрезмѣрной тоскою,

порвались. Поѣхали къ Змію, повѣривъ, что будто насытился Звѣрь до отвала, но не сбылася надежда — немного осталось въ живыхъ, приспѣшники Змія казнили ихъ лютою казною.

Узнала объ этомъ Дружина, и тяжкія думы легли на чело — на воиновъ въ честномъ бою нападаюгъ съ открытымъ забраломъ, а насъ предають палачамъ подъ личиною друга, руки свои умывая предъ міромъ. И кто же тотъ ворогъ предатель...

несла всѣ удары Дружина, тѣснѣе и крѣпче сплотились ряды. Точно лукъ, тѣтвой напряженный, ждапъ воинъ призыва

Отчизны. Кабы взвиться стрѣлою къ курганамъ родимымъ!

— Въ Книгѣ Судебъ дочитаетъ Всевышній листы о страданьяхъ недужной Руси, и воспрянетъ народъ, и, какъ дымъ, разлетится его навожденіе — въ это вѣрила крѣпко Дружина и знала, что будутъ нужны ея силы Родимой.

На чужой сторонѣ она помнила гулы литые Москвы Златоглавой, въ звонѣ призывномъ ей слышался голосъ тревожный князей-собирателей Русской Земли.

Еще увезли съ собой воины съ Родины кладъ, драгоцѣнный камень самоцвѣтныхъ, то воду живую Дружина въ истокахъ родныхъ зачерпнула. Къ нимъ припадала, прощаясь.

И — пока недруги злые держали совѣтъ, какъ бы Дружину въ конецъ извести, тутъ и случилось — новое дивное диво. Въ пустынной Долинѣ, средь брошенныхъ камней, подъ солнцемъ палящимъ, живая вода, что была у Дружины, забила ключемъ живоноснымъ.

Полилися по чуждымъ холмамъ и долинамъ родные напѣвы, и вздрогнуло сердце до боли... Почуялся запахъ истомный медвяныхъ луговъ заливныхъ, переливчатый бѣгъ золотистой волны по хлѣбамъ, тишина величавая въ устланномъ мохомъ бору вѣковомъ. А съ громкою пѣсней побѣдной проснулася рагная удаля, поникшая гордость и честь...

Въ пещерахъ, лачугахъ, шатрахъ и повсюду, гдѣ воинъ ютился, хранили старинный завѣтъ — путниковъ къ вамъ заходящихъ, какъ посланныхъ Бо-

гомъ встрѣчайте — и къ воинамъ странникъ забредшій братскій пріютъ находилъ...

Подъ небомъ открытымъ, какъ въ древней Элладѣ, учениковъ собирали ученые мужи и мудрые съ ними вели разговоры. Движенье по небу свѣтилъ объяснялъ звѣздочетъ; читались длинные свитки преданій, былинъ; толковались творенья Отцовъ...

У крѣпости древней и стѣнъ вѣковыхъ, гдѣ на стражѣ когда-то стоялъ янычаръ, охраняя отъ рыцарей входъ въ полоненный Царьградъ, теперь вдсхновеннымъ искусствомъ здѣсь Русь оживала. И точно подъ полоутурецкая крѣпость подъ пологомъ звѣзднымъ нѣмѣла, безмолвно смотрѣли, застывъ, кипарисы, и подъ стѣнами о скалы чуть слышно плескался прибой...

Какъ нѣкогда Русь благолѣпиемъ чина церковнаго Грековъ при выборѣ вѣры душой умилилась, такъ нынѣ дивилась сама Византійская Церковь священнымъ напѣвамъ Руси. А утварь и ризы, въ убогой пустынѣ богатая только любовью и вѣрою, трогали душу смиреньемъ своимъ...

Чтобъ не сравнялись родныя могилы съ чужою землею, и вѣчная память жила о страдальцахъ, умершихъ въ неволѣ, имъ—

каждый воинъ родною рукою принесъ камень надгробный. И на турецкой землѣ выросъ каменный холмъ съ бѣлоснѣжнымъ Крестомъ наверху...

Такъ пробивались ключи живоносной воды, завезенной изъ Русской Земли на чужбину. И точно роднѣй становилась у чуждаго моря чужая земля.

Турокъ степанный при встрѣчѣ прикладывалъ руку ко лбу, или, прижавъ свои пальцы другъ къ другу, показывалъ знакомъ нагляднымъ, какъ русскій и турокъ близки. Привѣтливо кланялся грекъ, даже черный арапъ оказался не страшнымъ. Все чаще въ рѣчи непонятныхъ языковъ звучали родныя слова.

И вскорѣ повсюду молва покатила — Дружина заклятые снимаетъ съ Заклятаго Моря и Царства...

Вотъ видно тогда-то придумали недруги мѣткій послѣдній ударъ — ударъ по горящему сердцу Дружины.

На брошенномъ камнѣ написано было: Дружинѣ со Знаменемъ Бѣлымъ заказаны путь и дорога повсюду. Изъ Царства Заклятаго воинамъ выбраться только возможно тропою окольной отъ русскихъ знаменъ. И жребія нѣтъ вамъ иного — безславно для честныхъ бойцовъ захребетникомъ быть, намъ золота стоитъ

вашъ хлѣбъ и вода. — Вотъ надпись какую на брошенномъ камнѣ прочли.

Тѣхъ, кто выковалъ въ сердцахъ своемъ — за отчую честь и спасенье Отчины — тѣхъ упрекнули въ безчестіи, злато избравши мѣриломъ для чести.

Русскіе люди слышали, что хлѣбъ на чужбинѣ не сладокъ, хлѣбъ горше полынной травы оказался.

Не поняли въ мірѣ народы горящаго сердца Дружины. Не златомъ оцѣнить Отчина страданья и вѣрность сыновъ. А станеть великой, обильной, какъ прежде, и хватить съ лихвою у русской казны заплатить за упавшія воинамъ крохи съ побѣднаго пира народовъ. Должно быть, за кубкомъ ликуя, народы забыли, чѣмъ Русь заплатила за вѣрность и дружбу свою...

Расчитанъ былъ мѣтко ударъ, стиснула мечъ свей отъ боли Дружина. — Бхать и снова бороться со Зміемъ — нѣтъ кораблей и казны; бросить знамена и воду живую разлить — чести и силы лишиться навѣкъ; сиднемъ сидѣть у Заклятаго Моря — въ безславіи дни доживать. — Какъ богатырь на распутьѣ предъ камнемъ зловѣщимъ, стояла въ раздумьѣ Дружина.

И путь, наконецъ, настоящій, прямой отыскала она — то путь

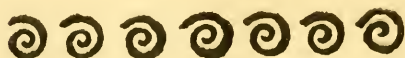

на Славянскія страны — завѣт-
ныйй.

Тамъ русская кровь напоила
собою всю землю и вызвала къ
жизни свободной Славянъ угне-
тенныхъ. Тамъ видѣли дѣды спа-
сеніе края родного, тамъ ждуть
Воскресенья Великой Руси.

И рускіе воины сердцемъ
горящимъ туда устремились...

— Воскреснетъ Отчизна, окон-
чатся распри Славянъ, и воедино
сольются могучей семьею Славян-
скіе Брвтя и Матушка Русь!

риблизился часъ тру-
бача. Пропѣла труба—
собирайтесь въ
походъ ..

Ушли...

И сразу въ Дико-
винномъ Царствѣ вся жизнь по-
тускнѣла, померкла. Турки, ара-
пы и греки остались съ сомнѣ-
ніи, было ли явью иль сномъ,
что видѣли здѣсь у Заклятаго
Моря.

Арапы подъ пальмой въ странѣ
Эфіоповъ рассказывать будутъ о
воинахъ бѣлыхъ, приплывшихъ
изъ дальней и полной чудесъ

стороны. Тамъ долго земля и деревья подъ бѣлымъ пушистымъ покровомъ, а чистыя воды тверды и блестятъ, какъ алмазь. Туда лебединая стая весною на гнѣзда летитъ. Тамъ лѣтнія ночи, какъ раннее утро свѣтлы, и тамъ по раздольнымъ степямъ среди мудрыхъ кургансвъ-могилъ сѣдиной серебрится трава...

Шехеразада расскажетъ Калифу чудесную новую сказку про воиновъ долга и чести, про подвиги ихъ и страданья. Будетъ слушать Калифъ, удивляться, а жены вздыхать потихоньку, къ чему ихъ скрывала чадра...

Въ прекрасную Родину Гальскій Пѣтухъ прилетитъ. Озираясь все время тревожно, не вьется ли Черный Орелъ и не стелится-ль хищная тѣнь отъ него, станетъ жадно смотрѣть на Востокъ, не расправилъ ли крылья могучій защитникъ Двуглавый Орелъ, не пора ли, какъ прежде, привѣтствовать пѣньемъ паренье его...

И тотъ, у кого были звѣзды мѣриломъ для счета, къ себѣ уплыветъ за Великое Море, гдѣ высится Бѣлый Дворецъ. Въ странѣ той рассыпаны звѣзды на стягахъ, какъ яркія знаменья Неба. А дѣти Дружины въ снахъ видятъ, какъ свѣтлыми струйками падаютъ звѣздочки людямъ, что помнятъ о Небѣ...

ануть въ вѣчность вѣ-
ка, и погибнуть наро-
ды... Появятся новыя
царства, языки... О
прошломъ останется
мало слѣдовъ, но сказ-

ки и были минувшихъ столѣтій
жить будутъ помимо ученыхъ...

И сказанья текущихъ вре-
мень — о Вѣрной Дружинѣ со
Знаменемъ Бѣлымъ — будутъ раз-
сказывать прадѣды внукамъ и
правнукамъ долго и долго.

Галлиполи.

1921 г.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3476
.K734
S62
1922

